

Новая сельскость или *restanza*? Репрезентации сельского, нарративы личной трансформации и место в современных качественных исследованиях дезурбанизации¹

Рецензия на книги: Мельникова Е., Куприянов П., Лурье М. (ред.) (2025). Деревня как ценность: идеологии и практики новой сельскости. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place.

Teti V. (2024). *Il risveglio del drago. Cavallerizzo: un paese mondo, tra abbandono e ricostruzione*. Roma: Donzelli.

Ф. С. Корандей

Федор Сергеевич Корандей, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра урбанистики, Тюменский государственный университет. 625003 Тюмень, ул. Володарского, 6. E-mail: f.s.korandej@utmn.ru

EDN: BGFAXE

На широком дворе, который представлял собой часть сенокосных угодий, арендованных у сельской администрации, была разбросана масса строений, в т.ч. ангар, конюшни, загоны. В центре двора располагалась выдавшая виды карусель, неожиданная для этого места. Познакомившись с приветствовавшей нас хозяйкой дестинации Натальей, мы через некоторое время узнали историю карусели. В пандемию в селе застрял развездной зоопарк. Не имея возможности двигаться дальше и пытаясь спастись от неминуемой финансовой катастрофы, его директор с радостью избавился от этого актива. Муж Натальи, владелец СТО, расположенного напротив, обеспечил подключение агрегата. С немалой любовью и гордостью рассказывая об этом, она в очередной раз подчеркнула, насколько важен этот человек для ее дела. Карусель стала поводом упомянуть и о том, что бизнес предназначен прежде всего для местных. Детям из района теперь не нужно ехать в областной центр, чтобы покататься на карусели (юг Тюменской области, 07.07.2024).

В этой истории из моего полевого дневника соединились несколько мотивов, о которых пойдет речь ниже. Пандемия, ограничившая трансграничную и транслокальную подвижность людей,

1. Обзор выполнен в рамках исследования по гранту РНФ, проект № 25-28-00789.

стала определяющим фактором в том, что принято называть «поворот к внутреннему туризму». В этот же период в исследованиях сельской местности снова начала обсуждаться тема характерного типа дезурбанизации — миграции в село горожан нового типа, движимых иными мотивами, чем известные ранее фермеры или дачники². Люди, подобные Наталье, все чаще появляются в сельском ландшафте, следуя популярным императивам развития территорий и внутреннего туризма. Экономика и социальная роль таких инициатив крайне разнообразны. Этот феномен ставит перед исследователями вопросы, связанные как с фундаментальными изменениями в современной экономике сельской местности, так и с проблемой очередного переосмысления таких категорий, как «городское», «сельское» или «рурбанное».

Нижеследующие заметки, соединяющие жанр рецензии с наблюдениями из полевой практики, представляют собой отклик на две замечательные книги, которые оказались важны для меня при поиске способов интерпретации материала, собранного при работе с небольшими коммерческими и общественными инициативами, занимающимися «развитием территорий» и «мест» в трансграничном сельско-городском пространстве Тюменской, Челябинской и Свердловской областей в 2024–2026 годах. Первая книга называется «Деревня как ценность: идеологии и практики новой сельскости», вторая — «Пробуждение дракона: деревня — мир между оставленностью и воссозданием». Обе книги написаны социальными антропологами, обе создавались во время пандемии COVID-19 и до известной степени представляют собой реакцию на кризисные явления сельской местности, которые в этот период приобрели особую остроту³. Первая из них была составлена группой антропологов из Москвы и Петербурга, в 2019–2021 годах реализовавших грант РФФИ «Новая сельскость в современной России: институты, практики, социальное взаимодействие», вторая — представляет собой *opus magnum* вышедшего в конце 2020 года на пенсию итальянского антрополога Вито Тети. Обе книги исследуют изменения языка описания и практик репрезентации сельского в ситуации, когда сама эта категория уже не кажется очевидной. Оба тома отличает стремление к сложной рефлексии и нетривиальности трактовок темы, вытесненной на периферию общественного внимания. Первый том кажется важным прежде всего потому, что в нем на ма-

2. Halfacree K. (2024). Counterurbanisation in post-covid-19 times. Signifier of resurgent interest in rural space across the global North? // Journal of Rural Studies. Vol. 110. P. 103378
3. «Деревню как ценность» я читал в печатном, «Пробуждение дракона» — в электронном виде, поэтому следующие ниже цитирования в первом случае отсылают к конкретным страницам, во втором случае — к главам книги. Итальянского языка я никогда не учил, однако современные технологии электронного перевода, кажется, позволяют читателю не дожидаться перевода второй книги на русский или английский языки.

териале современной России и постсоветского пространства обсуждается тема эксплицитной и имплицитной «колонизации» сельских территорий горожанами, движимыми своеобразными, в той или иной степени «идеалистическими» представлениями о деревне. Второй, посвященный сельской Италии, — потому что снимает спорную логику противопоставления «колонизаторов» и «колонируемых», описывая кризис с точки зрения побуждающей к действиям ностальгии, объединяющей уехавших и оставшихся. Ниже я предполагаю обратить внимание на различия и сходства двух этих точек зрения, обсудить их теоретический контекст и применимость к тому, что видишь в поле, когда знакомишься с теми, кому выпало выступать в роли новых представителей сельского ландшафта.

«Деревня как ценность»

Согласно авторам введения, Екатерине Мельниковой, Павлу Куприянову и Михаилу Лурье, сборник «Деревня как ценность» задумывался как «цельное высказывание, основной смысл которого заключался в предъявлении и обсуждении... мозаичности подходов и ракурсов, отсутствии единых оснований, общей генеалогии и терминологии в исследованиях сельскости» (с. 9). Парадоксальность формулировки издательской концепции дополняется сложной историей «сборника-долгостроя» (с. 8) — реализация стоящего за ним исследовательского проекта пришлось на разгар пандемии, отнюдь не благоприятствовавшей полевой работе, а подготовка книги растянулась еще на несколько лет. Впрочем, «мозаичность» (с. 9) — нормальное свойство коллективных монографий, и в данном случае она компенсируется качеством составляющих том исследований и глубиной свойственной для них рефлексии. Эксплицитной темой книги стала «новая сельскость» (*new rurality*) как «удобный зонтичный термин, позволяющий наметить контуры разнообразных форм эксплуатации “сельскости”», такие как «коммодификация сельской утопии, прорастание урбанистических структур в сельскую среду, модные глэмпинги и экодережни, фермерские лавки и постановочные сельские гулянья, агротуризм» и т. д. (с. 10–11). Исследуя далее генеалогию термина, восходящего к терминологии политики устойчивого развития, авторы признаются в том, что используют его иначе, в расширительном смысле, имея в виду не столько какой-то отдельный феномен или круг явлений, но отношения, фиксирующие напряжение между городом и деревней, «которые формируются в урбанизированном обществе, сохраняющем и производящем “сельскость” в качестве собственного горизонта и значимого другого» (с. 13).

Открывающая книгу статья Екатерины Мельниковой (с. 22–56) представляет собой серию историографических эскизов, посвящен-

ных изменениям образа «сельского» в антропологии. В XIX веке европейская деревня служила этнографам «полем по умолчанию», удобной лабораторией, интересной не самой по себе, но в качестве упрощенного, гомогенного и консервирующего «культурные пережитки» антипода европейского города. По этой причине колониальные деревни, которые, например, исследовали Франц Боас или Бронислав Малиновский, никогда не помещались в один и тот же контекст с «домашними» деревнями европейской цивилизации (с. 34–35). В Российской империи, специфика колонизации которой не позволяла физически отделить «колониальное» от «домашнего», это разделение работало на уровне языка описания — краеведы исследовали «свои» территории и население, а этнографы — «чужие», даже тогда, когда сами территории и люди были одними и теми же (с. 38). В советскую эпоху стала актуальной еще одна дихотомия, также зачастую прилагавшаяся к одним и тем же территориям — «прогрессивный» колхоз служил предметом исследования географов и экономистов, а этнографам оставалась «отсталая» (традиционная) деревня. Это не было исключительно советским явлением. Подобные дихотомии долгое время определяли специфическое разделение труда в науке, обращавшейся к «сельскому» — само его определение было инструментом поддержания междисциплинарных границ (с. 25).

Однако существует ли сегодня, после критики колониальных дискурсов и возникновения «общих» *rural studies* какой-то особый антропологический взгляд на сельскость и сельское? В книге утверждается, что да. Несмотря на то что ее авторы не пытались дать «систематическое описание и характеристику новой сельскости» (с. 13), кажется, что «мозаичный» сборник все же обнаруживает значительную тематическую и теоретическую когерентность, границы которой пролегают поверх границ пяти разделов, на которые он формально делится.

Перечислим эти имплицитные тематические блоки. Прежде всего, «Деревня как ценность» включает в себя блок, посвященный процессам складывания характерных форм сельского ландшафта, в котором рассматриваются, во-первых, дискурсы и практики модернизации советского села, а во-вторых, феномены транзита социалистической деревни в постсоциалистическую. Анна Соколова (с. 58–87) интерпретировала советские поселки лесозаготовителей Карелии как гибридную форму, включавшую в себя конфликтующие черты городской и сельской застройки, Юрай Бузалка (с. 130–153) описал феномен восходящего к советскому периоду словацкого «посткрестьянского» дома, опирающегося на неформальные связи и отношения, а Асель Мурзакулова (с. 154–175) исследовала дома, которые строятся в сельских районах Кыргызстана работающими в России и Казахстане мигрантами как «памятник семье», функционируя в качестве механизма обратной связи между уехавшим на заработки и остающимися на родине родственника-

ми. Интереснейшее исследование Даце Дзеновской (с. 176–215) посвящено формированию латвийской пустоты — депопулировавшего сельского ландшафта, который трактуется как «продукт ретерриторизации ресурсов после холодной войны, в рамках которой государство, капитал и люди покидали одни места и оседали в других... например, в глобальных городах, в то время как на опустевшие места распространялись новые формы управления» (с. 207).

Другой блок статей — исследования сельской социальности, построенные на наблюдении за индивидуальными стратегиями и коллективным укладом жизни членов по определению небольших и более тесно сплоченных, чем остальные, сельских сообществ. В работе Татьяны Ворониной (с. 88–129), посвященной двоечникам сельских районов Вологодской области в 1950–1970-х годов, показан оказавший непосредственное влияние на биографии некоторых ее информантов конфликт между модернизационным императивом позднесоветской школы и характерными для крестьянской среды представлениями, в соответствии с которыми школьные знания имели вспомогательный по отношению к крестьянскому труду характер. Статья Александры Захаровой (с. 386–428), работавшей на юге Западной Сибири, исследует риторику и прагматику «сельскости» в практике низовых деревенских чиновников, которые, в зависимости от своих целей, используют разные стратегии взаимодействия с жителями — либо бюрократические, отделяющие их от сельского контекста, либо патримониальные, напротив, предполагающие опору на сельский социальный капитал и авторитет. В статье Андрея Туторского (с. 334–354) на материале отдаленных районов Архангельской области ставится под сомнение тезис о коллективности деревенской жизни. Опираясь на идею «сингулярности» или «индивидуализма без индивидов», выдвинутую в работе английского антрополога Гарри Уокера (Harry Walker), автор представил деревню как совокупность людей, обладающих сильной индивидуальностью, разными мотивациями и интересами, однако не мыслящих себя изолированными и автономными индивидами, и формирующими общее пространство в виде знаний о ресурсах, возможностях, статусах и ограничениях односельчан.

Почему, выделяя эти блоки, я не пользуюсь теми, что предложены в самой книге? Чтобы сместить акценты и обратить внимание на центральную, на мой взгляд, тему книги. Третий, самый большой блок работ, исследующий модели «сельского» и цели самотрансформации, стоящие за практиками миграции горожан в сельскую местность, оказался для меня наиболее ценным в теоретико-методологическом смысле содержанием книги.

Обращая читателя к упомянутой в начале книги трактовке «новой сельскости» как разнообразных способах эксплуатации «сельского», Павел Куприянов (с. 218–246) начинает дискуссию о том, являются ли характерные для сегодняшнего сельского ландшафта социокультурные инициативы, осуществляемые под лозунгами

«развития территорий», (пост)колониальной практикой. Акцент в данном случае делается на тех инициативах, которые реализуются приезжими и характеризуются как «внешние» по происхождению по отношению к селу. Применяя оптику постколониальных исследований к материалам полевых наблюдений и интервью в сельских музеях Ярославской области и материалам дискуссий о сохранении сельской культуры в России, Павел описывает две основополагающих стратегии «внешних» культуртрегеров, применяя для этого религиозные метафоры. Те из них, кто ощущает себя носителем прогресса и настроен на радикальную модернизацию села, именуются «миссионерами», те, кто отправляется в деревню, взыскуя «утраченного идеала», — «паломниками». При этом и «миссионеры», и «паломники», обладая большими ресурсами, чем деревенские, выстраивают культурную иерархию, на вершине которой находятся они сами, оперируя идеализированным представлением о деревне, порожденным не непосредственным опытом, но современной глобальной культурой. Тема, впрочем, уже без явного обращения к постколониальной теории, развивается Павлом в другом тексте, написанном в соавторстве с Натальей Савиной (с. 248–280). Он посвящен современным музеям русской деревни, которые открываются переехавшими в село горожанами. Самокомбинируясь, то есть превращая себя в продукт консенсуса между представлениями туристов о селе и собственным представлением о себе, эти «внешние» акторы производят образ деревни, соответствующий современным городским идеям о жизни за пределами городов (с. 251–252).

В еще одной статье Екатерины Мельниковой (с. 430–456) эти современные представления «внешних» по отношению к деревне акторов обсуждаются в контексте риторики самотрансформации, свойственной для переехавших из города в деревню. Героинь статьи — владелиц публичных аккаунтов в соцсетях, рассказывающих истории о своей новой деревенской жизни, связывает с упомянутыми выше культуртрегерами и хозяевами сельских музеев мотив успешной личностной трансформации, происходящей на фоне достигнутой несмотря ни на что сельской идиллии. Хотя главным содержанием таких нарративов является «понимание себя, интерпретируемое в категориях пути к самому себе» (с. 442), они продуцируют и характерные образы идеализированной деревни, такие как строящийся или ремонтируемый для будущей счастливой жизни дом. Автор помещает свои наблюдения в контекст определяющих систему ценностей жителей мегаполисов постмодерных практик субъективации, заставляющих человека искать себя, обретая контроль над своей жизнью и автономность от любых социальных институтов, включая государственные (с. 454). Еще один тип «внешних» акторов, приходящих в деревню со своими «идеалами», которые, как и в предыдущем случае, также отличаются сильным стремлением к автономии и контролю над собственной жизнью,

описан в статье Татьяны Щепанской (с. 458–485). Она исследовала культуру выживальщиков, готовящихся к глобальной катастрофе. Поскольку эти люди исходят из представления о невозможности выживания в городе после того, как будет разрушена инфраструктура, центральным образом воображаемой деревни, которым оперирует субкультура, является «Домик-в-деревне», т. е. убежище, которое позволит человеку или его семье справиться с комплексом проблем, которые возникнут в момент катастрофы. Предполагается, что выживальщик в ситуации предполагаемого вакуума власти сможет самостоятельно контролировать доступ к ресурсам. Поэтому «сельскость» может запасаться впрок — деревенское жилище приобретается на случай катастрофы.

Стремление к эксплуатации образов воображаемого «сельского», свойственное для «внешних» акторов, иногда встречает сопротивление со стороны тех, кто находится «внутри». К сожалению, в книге почти нет работ, посвященных конфликтам конкурирующих репрезентаций. Исключением является статья Ксении Гавриловой (с. 282–332), рассказывающая о том, как заполярный поселок Териберка, открытый широкой общественностью после выхода фильма «Левияфан» (2014), оказался ареной столкновения символических претензий на территорию нескольких акторов. Это столкновение приобрело форму соперничества проводившихся в поселке фестивалей — формата событийного туризма, который используется в России последнего десятилетия в качестве одного из инструментов «развития» территорий, осмысляемых как «отсталые» и «удаленные». После того в Териберку «зашли» со своим фестивалем москвичи, описывавшие территорию как живописное, но экономически и социально «депрессивное» место, териберчане, не согласные с «внешним» представлением о себе как о пассивных и неагентных местных жителях, выступили с альтернативным фестивальным проектом. Стремясь сгладить вспыхнувший конфликт, областные власти запустили компромиссный третий фестиваль. «Фестивальные войны» сформировали характерную среду поселка, в материальных объектах которой воплотились конкурирующие на неравных основаниях сценарии будущего.

Итак, «Деревня как ценность» представляет собой новое явление в области российских исследований обратной миграции, которые сильны прежде всего социологически-демографическим направлением, сосредоточенным на вопросах демографии, мобильности и трансформации сельских территорий⁴. Книга переносит

4. Звягинцев В. И., Неуважаева М. А. (2015). Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. Т. 24. № 1. С. 101–135; Ильин В. И., Покровский Н. Е. (ред.) (2016). Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества. М.: Университетская книга; Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И.

центр анализа с вопроса «кто, зачем, куда и в каких количествах уезжает из города?» на вопросы «какое “сельское” производят эти мигранты?» и «каким их потребностям оно отвечает?». На мой взгляд, наиболее близкой представленным в книге исследованиям оптикой представляется оптика осуществляемых за пределами России исследований миграции образа жизни и миграции под влиянием локальных благ (*lifestyle/amenity-led migration*)⁵. Я имею в виду прежде всего качественные исследования, которые построены на полевом наблюдении за представителями сообществ, переезжающих в сельскую местность ради субъективно ощущаемого благополучия и в поисках личной трансформации. В таких книгах описываются представители британского среднего класса, мечтающие о жизни во французской деревне⁶, уставшие американцы «в поисках себя»⁷, активистски-ориентированные французские горожане, с 1960-х годов воплощавшие в жизнь утопию «возвращения к земле»⁸, или австралийцы, бегущие из города на живописное морское побережье в поисках аутентичного⁹. Хотя перечисленные социальные типы не представляют собой прямых социокультурных аналогов описанным в книге российским горожанам, для всех упомянутых выше исследований характерна систематическая рефлексия над представлениями исследуемых групп о «сельском», которые становятся движущей силой их социальной трансформации. При этом, как и у исследователей «новой сельскости», внимание этих авторов сосредоточено не столько на репрезентациях «сель-

(2015). Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. № 12. С. 60–69. К этому тренду я бы отнес и опыт этнографического исследования «новых горожан»: Артемова О. Ю. (ред.) (2022). Вдали от шума городского: антропологи о сельской жизни в России. М., СПб.: Нестор-История.

5. Отдельно отметим в качестве предшественников книги написанные на российском материале работы, посвященные экопоселениям, для которых, так же как для авторов книги «Деревня как ценность», характерен этнографический метод исследования и систематическая рефлексия по поводу моделей сельской жизни, стоящих за проектами ухода горожан из города. См.: Позаненко А. А. (2016). Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России: Социология, этнология. Т. 25. № 1. С. 129–153; Андреева Ю. О. (2020). Модели сельской жизни в российских экопоселениях // Этнографическое обозрение. № 6. С. 52–69.
6. Benson M. (2011). *The British in Rural France: Lifestyle Migration and the Ongoing Quest for a Better Way of Life*. Manchester, New York: Manchester University Press.
7. Hoey B. A. (2014). *Opting for Elsewhere: Lifestyle Migration in the American Middle Class*. Nashville: Vanderbilt University Press.
8. Rouvière C. (2015). *Retourner à la terre. L'utopie néo-rurale en Ardèche depuis les années 1960*. Rennes: Presses universitaires de Rennes.
9. Osbaldiston N. (2016). *Seeking Authenticity in Place, Culture, and the Self: The Great Urban Escape*. London: Palgrave Macmillan.

ского» как таковых, сколько на проявляющем их этнографическом контексте — практиках воплощения «идеала» в жизнь и сопровождающей их социальной динамике.

Проблемой представляется лишь предполагающаяся некоторыми текстами «Деревни как ценности» возможность четкого разделения «внешних» участников дезурбанизации и носителей «внутреннего» «сельского» взгляда. Не могу согласиться с мнением О. Я. Виноградской о том, что «изолированные от самих себя» горожане едут в деревню «от нужды по настоящему одиночеству»¹⁰. Полевые наблюдения и опыт бесед с людьми, принимающими на себя роль «амбассадора» села или малого города¹¹, скорее говорят об обратном — за свойственной иногда для таких людей «паломнической» или «миссионерской» по отношению к местным риторикой часто скрываются успешные практики интеграции в местное сообщество, от лица которого «приезжий» человек выступает. О постепенных практиках интеграции «сезонных» и «возвратных» приезжих в село при помощи кооперации и коммеморации пишет в «Деревне как ценности» Татьяна Щепанская (с. 356–384). Возможно, обособление «внешнего» и «внутреннего» взглядов, а также проблематизация конфликтных дискурсов продуктивны с аналитической точки зрения, однако в жизни «все сложно» и чаще всего имеешь дело с серыми зонами и переходными стадиями. Упомянутая в начале статьи Наталья, которая переехала на юг области с севера, потому что в деревне живут родители мужа, вовсе не единичный случай — в селе много таких же северян, которых на практике довольно трудно отличить от «настоящих» деревенских. Она много рассказывала нам о том, какое значение ее дестинация имеет для местных — в ангаре происходят мастер-классы и встречи деревенского женского клуба, родители могут оставить детей на территории и заняться своими делами, соседний интернат сделал ферму постоянной частью курса реабилитации и т. д. Что, если сосредоточиться не на разделении, в очередной раз пробуждающем к жизни устаревшую (с. 53) сельско-городскую дихотомию, а на общих эмоциях, характерных для всех, чей жизненный опыт так или иначе связан с территориями сельской депопуляции?

10. Виноградская О. Я. (2019). Отчего горожане едут в деревню: феноменология и практика // Крестьяноведение. Т. 4. № 3. С. 152.

11. См.: Королев К. М. (2025). Новая сельскость и ее конструирование в воображении горожан: случай исторической карельской деревни Пяльма // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 4. С. 125–160.

«Пробуждение дракона»

Ф. С. Корандей

Новая сельскость

или *restanza*?...

Книга «Пробуждение дракона» посвящена судьбе калабрийской деревни (paese) Каваллериццо, которая в ночь на 7 марта 2005 года была разрушена оползнем. Разрушение было не тотальным и не мгновенным — погибла лишь третья часть домов, и, к счастью, всем удалось эвакуироваться, однако жить в Каваллериццо было больше нельзя. Увидев по телевизору падающие в пропасть дома, антрополог Вито Тети, специалист по депопулирующему югу Италии, отправился в Каваллериццо, чтобы описать процесс с точки зрения трехсот участников трагедии, которым пришлось переселиться в другое место. Исследование растянулось на двадцать лет, в ходе которых Тети постоянно наблюдал за развитием истории и возвращался в переезжавшую деревню, перезнакомившись со всеми ее жителями и включившись в процесс обсуждения ее дальнейшей судьбы. Собранный архив пугал исследователя своим объемом, однако неожиданным союзником в этой борьбе оказалась пандемия COVID-19, заперевшая Тети в его родной деревне Сан-Никола-да-Крисса и вынудившая его подвести итог исследованию.

Введение к этой большой книге описывает несколько ключевых идей всего академического проекта этого автора. Как антрополог, Тети (род. 1950) всю карьеру занимался темой характерных для внутренних районов Италии двойных деревень (*paesi doppi*), по сути дела — феноменом современного сжатия чрезвычайно разветвленной в Средневековье сети расселения. Запускающие его факторы имеют эколого-экономическую природу, с одной стороны, локальную — Калабрия всегда была «катастрофическим» регионом, с другой — глобальную, поэтому книга начинается с замечаний о стремлении автора найти язык, способный связать «малую» историю Каваллериццо с нарративом катастрофического антропоцена. По мере глобализации Италии в Новое и Новейшее время жить в глуши на вулканах и оползнях ради малопродуктивного малого сельского хозяйства становилось все сложнее. Для многих старинных итальянских деревень катастрофическое природное событие оказалось поводом переехать из глубины полуострова и обосноваться в другом месте, породив двойника — деревню с таким же названием, расположенную на берегу моря, которое в Новое время, в отличие от Средневековья, перестало быть опасным соседом. «У каждой деревни есть по крайней мере один двойник» (*ogni paese ha almeno un suo doppio*), замечал он в книге «Чувство места: память и история оставленных деревень» (2004), посвященной обзору феномена на региональном, калабрийском уровне¹². Кавал-

12. *Teti V.* (2014). *Il senso dei luoghi: Memoria e storia dei paesi abbandonati*. Roma: Donzelli Editore. Цитируется второе издание, впервые издана в 2004 году.

лериццо — деревня на юге Калабрии, которой посвящена обзорная книга — частный случай такого переезда.

Важным для Тети термином при описании феномена «двойных деревень» является «место» (*luogho*) как результат социальных взаимоотношений. Обладая собственным географическим и пространственным положением, места всегда и везде являются антропологической конструкцией (*sono sempre, ovunque una costruzione antropologica*), писал он в начале книги 2004 года. Главный интерес Тети как антрополога — оставленность (*abbandono*) мест как современное социальное явление, которому не уделяется достаточного внимания. «Чувство места» было перечислением характерных для охваченной оставленностью Калабрии вариантов возникающего при этом социального конфликта. В каждом случае он исследовал мир противоречивых эмоций, возникающих при переезде, — например, настороженное отношение друг к другу представителей старой и новой общины или чувства вынужденных остаться дома женщин и детей, провожающих мужчин в эмиграцию. Последнюю он тоже часто трактует как «удвоение деревни». «У Сан-Никола-да-Крисса есть двойник в Торонто», — пишет он в «Чувстве места». Несмотря на то что описанный в «Пробуждении дракона» переезд Каваллериццо произошел без человеческих потерь и даже по некоторому плану, увенчавшемуся поддержанной государством программой по восстановлению деревни на новом месте, он все равно оказался трагедией. Прежде всего это была трагедия раскола местной итало-албанской (арберешской) общины. Устоявшийся порядок рухнул, сменившись бесконечными дискуссиями между теми, кто считал, что нужно покинуть старую деревню ради новой, и теми, кто, несмотря на опасность, намеревался восстановить ее на прежнем месте. Ничто не может возместить разрыва сложившихся на месте социальных связей — любые попытки упорядочить трагедию приводят к поляризации мнений, смягчить которые может только время.

Именно при этнографическом описании эмоций членов распадающихся сообществ Тети сформулировал и разработал понятие «рестанца» (*restanza*), которое представляет собой, пожалуй, главный концептуальный вклад этого автора в антропологическую теорию. В итальянском существительное «*restanza*» означает «остаток». Тети, научный путь которого начался в парижской Высшей нормальной школе с исторической антропологии итальянской кухни¹³, упоминает в четвертой главе одноименной книги 2022 года этнографический «хлеб из остатков» (*pane della restanza*)¹⁴. В его языке это, однако, неологизм, переставляющий акценты при описании фундаментального для современного человечества выбора между оседлостью и отъездом. Тети начал работать с этим поня-

13. *Teti V.* (2015). *Fine pasto: Il cibo che verrà.* Torino: Einaudi.

14. *Teti V.* (2022). *La restanza.* Torino: Einaudi.

тием, когда писал об итальянской эмиграции. В «Чувстве места» и в «Хлебных камнях»¹⁵, он обращал внимание на то, что опыт эмигрантов должен описываться не только с точки зрения мест, в которые они эмигрируют, но и с точки зрения мест, которые они покидают. Важен опыт другой составляющей эмиграции — родных и знакомых эмигрантов, которые, по собственной воле или вынужденно, принимают решение остаться на родине. Выбор остаться зачастую не менее драматичен, чем выбор уехать, и его нельзя отождествлять с пассивностью, отказом от политической позиции. Ему было что сказать об этом. Тети, который за исключением студенческих лет в Париже всегда продолжал жить в калабрийской деревне, исследовал эту драму и автоэтнографически — «Чувство места» иногда превращается в пронзительные мемуары человека, мать которого была калабрийской крестьянкой, а отец — эмигрантом в Канаде, и, как в «Пробуждении дракона», с позиции длительного включенного наблюдения. В работах «Рестанца» и «Пробуждение дракона» он обсуждает «решение остаться» уже не столько в историческом контексте эмиграции, но как современную низовую идеологию активного сопротивления сельской депопуляции, порождающую разнообразные практики, связанные с переосмыслением сельского ландшафта. В этом контексте Тети описывает словом «рестанца» прежде всего готовность людей оставаться в местах, в которых они родились, ради того, чтобы предотвратить их запустение и поддержать их жизненную силу, однако на сегодняшний день ставшее популярным в Италии слово используется для обозначения самых разнообразных практик «возвращения» людей в покинутые или потерявшие массу населения городки и деревни¹⁶.

В случае с самим Тети «рестанца» — не отвлеченно-академическая, но политическая позиция, попытка ответить на вопрос «что мы можем сделать для мест?», охваченных длительными и необратимыми процессами, побуждающими людей переезжать и уез-

15. *Teti V.* (2011). *Pietre di pane. Un'antropologia del restare*. Macerata: Quodlibet.

16. *Setti R.* (2023). *Restanza* // *Italiano digitale*. Vol. XXIV(1). P. 133–138. См.: *Bindi L., Conti M., Belliggiano A.* (2022). Sense of place, biocultural heritage, and sustainable knowledge and practices in three Italian rural regeneration processes // *Sustainability*. Vol. 14, 4858; *Membretti A.* (2024). The young shepherds school: Training for *Restanza* in the Italian Alps // *Mar-tor*. Vol. 29. P. 161–169; *Sabatini F.* (2024). Oltre aree interne e borghi: i paesi come spazi relazionali. Scarti di zolfo e nuovi abitanti a Cianciana (Sicilia) // *Tracce Urbane. Rivista Italiana Transdisciplinare Di Studi Urbani*. Vol. 11(15). P. 253–273. В работе Мембретти в контексте «рестанцы» описывается организация курсов для приезжих из городов, желающих поучиться техникам скотоводства, Бинди, Конти и Беллиджьяно обсуждают кейсы экомюзеев пастушества, регенерации сельского муниципалитета, работы сельскохозяйственной организации и проведения фестивалей, Сабатини — сицилийские инициативы, связывающие местные сообщества с внутренними и международными туристами.

жать насовсем. Человек, утверждает Тети, должен иметь «право остаться». И в книгах, и в интервью¹⁷ он заявляет о том, что «право остаться» должно быть гарантировано политически — посредством права на местный труд, образование, медицинское обслуживание, внимания к проблемам принятия иммигрантов и новой сельской экономики. Вклад его в эту дискуссию, прежде всего, идеологический. Во введении к «Пробуждению дракона» он заявляет о необходимости критической рефлексии над доминирующими дискурсами, описывающими сельскую местность с «неоромантических» и «апокалиптических» позиций, обращает внимание на то, что современному миру нужен новый язык описания опустошения старозаселенных территорий, которое производят крупнейшие экономические центры, комплексный, а не риторически-поверхностный подход к этой проблеме, которая актуальна не только для маленьких деревень, но и для крупных городов.

Однако все это — в тональности поиска, изобрести новый язык непросто, для этого требуется ясный, долгий, внимательный взгляд (*sguardi lucidi, lunghi, attenti*), больше соответствующий циклическим темпоральностям сельской жизни, чем прогрессистской или технократической утопиям. «Проблема в том, что никто в конечном итоге не знает, что предложить, как представить будущее», — пишет он во введении, и основная часть «Пробуждения дракона» посвящена именно этому.

В первой и второй главах книги описывается история пробудившегося мартовской ночью дракона — тревожный фон ожидания катастрофы, действия членов общины в момент оползня и в дни, следовавшие за катастрофой. Истории калабрийцев, пытавшихся путем исследований, создания общественных организаций, личной бдительности и актов благочестия спасти свою деревню, показаны на фоне рутинного сосуществования с опасностью оползня в контексте характерной для Италии культуры управления катастрофами — медленной, паллиативной и *post factum* склонной к чрезвычайным мерам. Катастрофа была в каком-то смысле предрешена. В Средние века Каваллериццо забралась на горный склон в поисках плодородной и удаленной от малярийных низин почвы, однако в Новое время былые достоинства ее расположения превратились в недостатки, которые становились все опаснее в связи с вырубкой леса, плотной застройкой территории, нарушением водоотведения, коммунальными авариями и депопуляцией, усугублявшей проблемы землепользования. Несмотря на то что, в отличие от Средневековья, люди XX века имели знания и технические возможности справиться с этими проблемами, население и власти привыкли жить в состоянии угрозы.

17. Интервью Тети независимому философско-просветительскому проекту «Gazzetta filosofica», 08.11.2024. <https://www.youtube.com/watch?v=6Ad4II3zA5M>

Катастрофа — лишь завязка книги, которая посвящена трансформации деревни из сплоченного локального сообщества в сообщество переезжающее, вынужденное переосмыслить скрепляющие его отношения. В третьей и четвертой главах описываются первые ощущения арберешей, осознающих, что под угрозой находятся не только дома, но и сама община. Тревоги общины Каваллериццо и ее попытки сплотиться в ситуации кризиса показаны на фоне продолжающегося уже как минимум полвека распада этносоциального уклада, и общего демографического и экономического кризиса внутренних районов Южной Италии. В конце четвертой главы Тети говорит об истощенности «стандартных» методов возрождения деревни — ни разрозненных культурных и законодательных инициатив, ни мер по социальной поддержке, ни мумификации «народных традиций» недостаточно для того, чтобы избежать исчезновения деревенских общин. Им нужны новые формы жизни, новые нарративы и представления о совместном будущем.

В пятой, sixthой и седьмой главах рассматриваются практики, посредством которых жители переезжающей Каваллериццо пытались справиться с социальной драмой. Как это часто бывает, социальный конфликт выражался в фольклоре и ритуале. В пятой главе показано, что центральным символическим языком, посредством которого жители описывали свою связь с местом в ситуации его трансформации, стал культ местного покровителя — Святого Георгия, защищающего поселение от дракона, который, в свою очередь осмыслялся как метафора периодически пробуждающегося оползня, требующего от местных жителей постоянной бдительности. Шестая глава посвящена практике перевозки вещей из опустевшего Каваллериццо в новые места как ритуалу траура — посредством переноса своих вещей из прошлого в будущее люди оплакивали утраченное, смирялись с тем, что прежний порядок никогда не восстановится, и одновременно начинали надеяться на то, что сохранившееся и перенесенное на новое место окажется основой для нового порядка. В седьмой главе описывается роль религиозных праздников в восстановлении этого порядка — перенос статуи Святого Георгия в соседнюю деревню Черцето и другие процессии не только решали внутренние проблемы общины, но и на новых основаниях переустанавливали ее отношения с соседями.

Смысловой центр книги — четыре главы, раскрывающие суть, динамику и долговременные последствия драматического раскола внутри общины Каваллериццо, выбирающей путь дальнейшего развития. Первый вариант развития предполагал быстрое переселение на новое, специально отведенное место, и в конечном итоге воплотился в проекте восстановления новой деревни вокруг воссозданных архитектурными средствами пяти *житоний* (*gjitonia*) — традиционных для арберешских общин территориально выделенных соседских кварталов. Те, кто предлагал альтернативу, выступали против решения объявить старую Каваллериццо полностью непри-

годной для жизни — предполагалось, что старая деревня достойна если не полного восстановления, то хотя бы заботы об оставленной территории. В результате растянувшегося на годы конфликта между фракциями особого успеха не добились ни те, ни другие — община рассеялась по миру, в новую деревню переехали далеко не все, а на развалинах старой остались лишь печальные одиночки, ставшие для медиа живыми символами калабрийского запустения. Как показано в девятой главе, посвященной типичной для «двойных деревень» ситуации строительства новой деревни современными методами, — поселение нельзя «перенести» на другое место механически. Даже если дома будут похожи на прежние, к ним не будут автоматически прилагаться прежние отношения, память и ценности. Создаваемые в последние полвека технократическими управленческими решениями «новые» деревни Калабрии, пишет Тети, отсылая к работе Марка Оже¹⁸, часто оказывались «не-местами», лишенными всего вышеперечисленного. Хотя новая деревня стремилась повторить планировку старой, эксперимент по «реконструкции» *житонии* показал, что это не только пространственная форма, но социальная ткань, и воссоздать в новом Каваллериццо эту ткань, похоже, удалось не вполне. Посетив десять и двадцать лет спустя после оползня «новую» Каваллериццо, Тети увидела, что она не стала полноценной заменой «старой» — праздник Святого Георгия, который должен объединять общину, обнаруживает ее глубокий раскол, многие из ее членов воспринимают новые дома и площади крайне негативно, систематически возвращаясь на руины старой деревни. При этом время лечит — в новой деревне выросли новые дети, сложились новые отношения, «не-место» постепенно превратилось в новое место, разумеется, не идентичное старому.

Повествовательный метод Тети — не строгое следование протоколу конкретного исследования, но постоянные отступления, возвращающие читателя к идеям, переходящим из работы в работу. Эта старомодная свобода, напоминающая тексты представителей школы «Анналов», у которых он учился, в сущности, конгениальна предмету книги — прослеженной на двадцатилетнем участке истории средиземноморской деревни, включенной в циклы еще большей длительности. Заключительная глава «Пробуждения дракона», снова возвращающая читателя к «двойным деревням», месту и «ре-станции», является манифестом вовлеченной антропологии, обращающим наше внимание на «большие» последствия разработки темы. Тети пишет о том, что, несмотря на его исследовательское стремление быть выше описанного в книге конфликта, он всегда больше сочувствовал тем, кто хотел остаться в старой Каваллериццо. Однако, по прошествии лет, он не может не признать, что «новая» де-

18. Оже М. (2017). Не-места: введение в антропологию гипермодерна / Пер. А. Ю. Коннова. М.: НЛО.

ревня тоже стала местом, и, в сущности, обе позиции по отношению к судьбе деревни были случаем одной и той же «рестанцы» — самоотверженного активного желания людей остаться и продлить жизнь деревни после катастрофы. «Все в конечном счете остались, каждый по-своему» (*tutti, in maniera diversa, alla fine sono rimasti*), но всем пришлось измениться.

Конфликты — нормальная часть поиска и обретения новой общности, происходящих в ситуации национального и глобального кризиса села. Прежде чем мы будем предлагать варианты новых форм совместной жизни, замечает он, стоит учесть, что, утратив сельскохозяйственную специализацию, «деревня потеряла саму себя» (*paese si è spaesato*) и вернуться в прошлое уже невозможно. Все зашло слишком далеко — в этой ситуации следует забыть о привычных нарративах, идеализирующих или стигматизирующих деревню, но пойти «путем отчаяния» (*disperanza*), который, возможно, является самым продуктивным способом избавиться от когнитивного ступора и отыскать новые способы взглянуть на проблему. Тети не дает готовых решений, хотя и упоминает ряд инициатив, связанных с поисками нового языка, нарративов и практик, направленных на «переосмысление» деревни. Его симпатии явно на стороне тех из них, которые относятся к предмету бережно, щадя чувства остающихся и память об ушедших. Главное, по возможности, избегать простых решений. Любое место, даже деревня из трехсот человек — сложная вещь, переплетенные истории, характеры, судьбы и эмоции. Утверждая право человека «остаться», Тети, безусловно, говорит не только о деревнях, но обо всем современном мире, напоминая о разлитой в нем ностальгии, которая часто оказывается не столько ностальгией уезжающих, сколько ностальгией остающихся. Человек — ностальгирующее животное, тоскующее и по своему дому, и по другим местам одновременно, пишет Тети в заключительной главе книги. Часто именно эта ностальгия стоит за распространяющимися по миру инициативами «рестанцы», направленными на сохранение, улучшение и трансформацию мест.

Несмотря на разную географию, «Деревня как ценность» обнаруживает много общего с «Пробуждением дракона». Дома казачьих, построенные на деньги, заработанные в далекой Канаде, — такая же инвестиция в воображаемое будущее на родине среди родных, как дома киргизских трудовых мигрантов, о которых писала Асель Мурзакулова. Одиноким зимующая в пустой латвийской деревне Мазциемсе Милда из статьи Даце Дзеновской заставляет вспомнить о Лилиане Бьянко, оставшейся жить на руинах старого Каваллериццо. «Музей дыр и заплат» из деревни Кирьяново в Ярославской области, о котором сообщают Павел Куприянов и Наталья Савина, кажется вариантом собранных на итальянских сельских руинах «музеев остатков» (*musei della restanza*), которые упоминает Тети в двенадцатой главе своей книги. Типологически общие экономические и демографические процессы порождают по-

разительно сходные эффекты — за десятилетиями миграции и депопуляции вдруг следует идеологически обусловленная дезурбанизация. Несмотря на расставленные акценты, «новая сельскость», которая больше о «внешнем» по отношению к сельскому, и «рестанца» Тети, которая изначально скорее о «внутреннем», в итоге сближаются — словом «рестанца» теперь иногда описываются практики возвращения горожан в сельскую местность. Авторы «Деревни как ценности» вроде бы начали говорить об этом возвращении с точки зрения поляризующего постколониального подхода, но эта оптика быстро исчезла со страниц книги. Почему? Может быть, из-за присутствующей этому возвращению ностальгии (или соластальгии, 12-я гл. «Пробуждения дракона»), объединяющей уехавших и остающихся, местных и приезжих? Чего, пожалуй, не хватает в книге о «новой сельскости», так это рефлексии о месте, которое является объектом возвращения и эмоциональной привязанности. В этом смысле полезно вспомнить о текстах Ника Осбалдистона (Nick Osbaldiston), который напоминает о том, что место — априорное условие «миграции образа жизни», ведь образ жизни собственно и осуществляется посредством места¹⁹. У Тети место — ключевой элемент «рестанцы», не теория, а практика. Двадцатилетний конфликт жителей Каваллериццо развернулся вокруг кажущихся смешными со стороны масштабов — старую деревню отделяло от новой каких-то пятьсот метров. Но, однако же, эти метры важны — почти все инициативы по развитию территорий, созданию туристических дестинаций, этнопарков или креативных кластеров, с основаниями которых мне приходилось говорить в последние годы, начинались с конкретного участка земли. Переезд горожан в сельскую местность, ее идеализированные репрезентации, дискурсы и практики трансформации субъекта, на мой взгляд, нельзя рассматривать независимо от места. Полевые интервью с теми, кто «развивает территорию» в сельской местности, никогда не проходят быстро — пока тебе все не покажут, ты никуда не поедешь. Путь к воображаемому «сельскому» в проектах возвращения почти всегда заканчивается в конкретном реальном месте.

19. Osbaldiston N., Buckle C. (2022). Lifestyle migration in place: Notes from the field // Thesis Eleven. Vol. 172(1). P. 114–130.

New rurality or Restanza? Representations of the rural, narratives of personal transformation, and the role of the rural in contemporary qualitative research on counterurbanization

301

Ф. С. Корандей

Новая сельскость

или restanza?...

Review of the books: Melnikova E., Kuprijanov P., Lure M. (Eds.) (2025). The Village as a Value: Ideologies and Practices of the New Rurality. Moscow: Khamovniki Foundation for Social Research; Common Place.

Teti V. (2024). The Awakening of the Dragon. Cavallerizzo: The Village as a World between Abandonment and Reconstruction. Rome: Donzelli.

Fedor S. Korandei, PhD (History), Senior Researcher, Center for Urban Studies, Tyumen State University. Volodarskogo St., 6, Tyumen, 625003, Russia.

E-mail: f.s.korandej@utmn.ru